

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

V. I. Karasik
Volgograd, Russia

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ

LINGUOSEMIOTIC MODELLING OF VALUES

Аннотация. Рассматриваются базовые понятия семиотики, показана специфика символа как важнейшего способа обозначения и характеристики ценностей, выделены модусы семиотической репрезентации: прямой, эмблематический, аллегорический, символический и их разновидности.

Abstract. The article deals with basic notions of Semiotics, with the emphasis on symbols treated as the most important ways of denotation and characterization of values. Modes of semiotic representation are introduced in the scheme comprising direct, emblematic, allegoric and symbolic signs and their respective subtypes.

Ключевые слова: семиотика; знак; ценности; эмблема; аллегория; символ.

Key words: semiotics; sign; values; emblem; allegory; symbol.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

Модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами. Лингвистическое моделирование схематически сводится к постановке вопросов «Что это?», «Какие разновидности этого явления существуют?» и «Какими языковыми способами это явление выражается?». В последнем случае имеются в виду как собственно языковые, так и коммуникативные способы выражения того или иного феномена. Моделирование ценностей — высших ориентиров поведения — нацелено на объяснение мотивации этих ценностей (почему тот или иной тип поведения является приоритетным в данной культуре), на освещение специфической комбинаторики ценностей (именно их комбинаторика в значительной мере объясняет особенности мировосприятия, свойственного определенному индивиду или определенной группе; случаи полного отсутствия той или иной ценности сравнительно редки), на выявление динамики таких ориентиров поведения (эта динамика обусловлена социально-историческими факторами), на определение способов их выражения (существуют определенные семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей).

Литература, посвященная знакам, безбрежна. Это объясняется тем, что знаки изучаются в разных областях знания — в лингвистике, философии, психологии, логике, культурологии и собственно семиотике. Представители разных наук трактуют понятие «знак» по-разному и используют разные термины для обозначения типов знаков.

Систематизируем основные понятия семиотики. Прежде всего, выделяется процесс (семи-

озис), в котором нечто функционирует как знак. В этом процессе есть четыре компонента: 1) знаковое средство (законодатель, или тело знака), 2) то, на что указывает знак (десигнат), 3) воздействие, в силу которого объект воспринимается как знак (интерпретанта), 4) тот, кто интерпретирует (интерпретатор). Знак как способ передачи информации имеет содержание и форму. Его содержание направлено на обозначение внезнаковой реальности (семантический аспект), при этом использование знака передает информацию не только об объекте, но и об участниках общения (прагматический аспект), и истолкование знака предполагает знание его соотношения с другими знаками в знаковой системе (синтаксический аспект) [Моррис 1983: 39, 42]. Ч. Моррис верно отмечает, что эта схема является в большей степени объяснительной и не подразумевает признание того, что у знака есть форма и содержание. В научной литературе предлагается также выделять отношение знака к его форме — сигматику знака [Зегет 1985: 25]. Продуктивное противопоставление формальной и содержательной сторон знака может быть уточнено с разных позиций.

Дистинкция между интерпретантой и интерпретатором в рамках базовой схемы семиозиса не является релевантной, поэтому перед нами — семиотический треугольник (по Аристотелю: предмет, звук, душевное состояние), каждый из углов которого может быть далее уточнен и развернут в более сложное образование. Например, может быть развернуто референтное направление в понимании знака, т. е. соотношение между вещью и десигнатом — в кантовском противопоставлении «вещи в себе» и «вещи для нас», «явления» и «факта», объекта реальности (в бесконечном множестве его характеристик) и выделяемой стороны этого объекта (получающей наименование по тому при-

знаку, который оказался актуальным для участников общения). В классической схеме семиотического треугольника даны ответы на следующие вопросы: «Что сообщается?» (семантика, предметная сторона), «Как оформлено сообщение?» (синтактика, выбор знаков), «Почему выбрано именно это средство для передачи сообщения?» (прагматика, учет фактора адресата, ситуации, норм культуры). Аксиологический подход к семиозису выдвигает на первый план его прагматическое содержание. В триаде «человек — реальность — орудие» ключевым моментом для семиотики является орудие, т. е. нечто, используемое с определенной целью для преобразования реальности. Однако осмысление появления чего-либо в качестве орудия и дальнейшая спецификация этого орудия переносят наше внимание на субъекта.

Форма знака принципиально отличается от обозначаемого объекта, но может либо отражать некоторые его признаки, либо быть конвенциональной. Ч. Пирс выделяет три типа знаков: иконы, которые характеризуются похожестью на объекты, индексы, которые таким сходством не обладают и связывают знак и объект только ситуативно, и символы, которые представляют собой правила, определяющие интерпретацию объектов [Пирс 2000: 218]. В дальнейшем система правил интерпретации знаков получила у многих исследователей наименование «код», хотя есть и иное, техническое понимание кода как последовательности знаков. Особенно важным в системе семиотических понятий является символ — «закономерная упорядоченность вещи, данная в виде общего принципа смыслового конструирования, в виде порождающей ее модели» [Лосев 1995: 65]. Подчеркнем важное свойство знака, о котором пишет Е. А. Елина: можно в каждом знаке отыскать все три составляющих (по Ч. Пирсу — иконическую, индексальную и символическую), но в реальном знаке один из признаков всегда доминирует [Елина 2012: 13].

Комментируя размышления Климента Александрийского о египетской иероглифике, Ц. Тодоров [Тодоров 1998: 26] подчеркивает важность противопоставления типов обозначения — (кириологического) прямого, тропологического (переносного) и аллегорического (в виде загадок). Знаки могут классифицироваться, как показано Блаженным Августином, с различных позиций: по способу чувственного восприятия, по происхождению и употреблению (знаки естественные и условные — дым как знак огня и как знак приближения неприятеля), по готовности адресата к их восприятию (не требующие обучения и требующие обучения), по природе связи между означающим и означаемым (знаки собственные и переносные) [Там же: 36—43]. Для теологов особенно значимым оказывается переход от переносного знака к духовному, от тропологического толкования к анагогическому:

различаются буквальное, или историческое толкование Св. Писания (что произошло) и три вида духовного знания: тропологическое (моральное — как следует поступать), аллегорическое (во что следует верить) и анагогическое (к чему следует стремиться). Есть и иное истолкование этих способов познания: ощущение (буквальный смысл), мышление (аллегорический смысл), чувство (моральный смысл), интуиция (анагогический, или мистический смысл) [Арапов 2007: 77]. Отметим, что в стилистике термины «троп» и «аллегория» трактуются иначе [см. Москвин 2007].

В работах разных исследователей термины меняются, но, как отмечает Л. Ф. Чертов [Чертов 1993: 58], под различными именами противопоставляются естественные и искусственные знаки (с одной стороны, — индексы, указатели, сигналы, с другой — символы, характеристики и симптомы). В работах многих ученых знак рассматривается как родовой термин по отношению к другим терминам семиотики, и эта позиция представляется вполне обоснованной. Но существует и иное понимание знака: в таком случае знаком считается только искусственное семиотическое образование, а естественное образование трактуется как признак. С позиций В. В. Бибикина [Бибикин 2002: 188], символическая связь не является знаковой, поскольку «в самих вещах мира заложены неявные созвучия». Этот подход к знаку вытекает из античного реализма, из признания первичности идеи по отношению к явлению.

В лингвистическом плане весьма значима идея иерархичности знаков: простейшими являются дейктические знаки (указатели), более сложный характер носят идентифицирующие знаки (имена собственные), наиболее информативны характеризующие знаки (предикаты, носители рематической информации) [Арутюнова 1999: 4]. Такая иерархия знаковых систем соответствует стадиям психического развития ребенка (указания, наименования, развернутые обозначения) и стадиям становления культуры (эмблема, аллегория, символ). Но важно подчеркнуть, что в культуре, как и в индивидуальной психике, элементы знаковых систем не отрицают друг друга, а находятся в динамическом равновесии: в нашем индивидуальном и коллективном опыте соседствуют и уживаются простые и сложные способы осмысления и освоения мира.

Заслуживает внимания функциональная модель знаков, предложенная А. Б. Соломоном [Соломоник 2009: 130—133]: естественные знаки нужны для ориентировки в обыденной жизни, образные знаки — для характеристики изображаемого, языковые знаки — для «объяснения всего и вся». Исследователь моделирует систему знаков в виде пирамиды — от естественных знаков к объяснительным, при этом противопоставляет языковые знаки первого и второго порядков абстракции, т. е. обычные языковые

знаки и научные формулы. С помощью такой схемы моделируются и человеческие типы — практики, художники, посредники и ученые. Интересен тезис о том, что «у человека в большинстве случаев создается осязаемая тяга к той или иной семиотической среде» [Там же: 138]. Признавая правомерность такого подхода к знаковой реальности, я бы подчеркнул полифункциональную ценность знака: с позиций познания предложенная иерархия верна, с позиций самораскрытия личности или эффективности действия иерархия знаков как инструментов освоения мира выстроится иначе.

Вернемся к определению символа. К. А. Свасьян [Свасьян 2010: 159] обсуждает его различные ипостаси и формулирует очень емкую дефиницию: «символ мы можем назвать идеей, зримой в факте». Такова когнитивная, и следовательно, гносеологическая сущность символа. Заслуживает осмысления и другой тезис цитируемого автора: «Символ никогда не сводится к своей форме. Он сквозь нее просвечивает глубинами смысла» [Там же: 221]. Речь идет о неисчерпаемости символа. Разумеется, символическое истолкование реальности — это один из типов ее истолкования, в других случаях уместна аллегория, в третьих — эмблема, а кроме того, достаточно часто в повседневной семиотической практике мы пользуемся прямым обозначением. Неприятности, как известно, начинаются тогда, когда происходит путаница, и мы пытаемся буквально истолковать символ либо тщетно ищем глубинные смыслы там, где их нет, когда мы неправильно идентифицируем эмблему или приводим неуместные аллегории.

Г. С. Кнабе [Кнабе 2005: 37—42] вносит важные уточнения в характеристики знака: знак возникает в рамках ограниченной группы, привязан к определенной исторической эпохе, подвержен изменению и сочетает в себе объективную и субъективную информацию. Существенной характеристикой культуры является наличие эволюционных семиотических рядов (замещение одного предмета другим и перенос на второй формы и облика первого), синхронных семиотических рядов (парадигмы и стили), коррелирующих по масштабу и престижу [Степанов 1997: 26—38]. Осмысление семиозиса необходимо предполагает выделение семиотически значимых характеристик в поведении участников знакового процесса — отправителя, получателя, случайного свидетеля и перехватчика. Обратим внимание на значимость семиотического анализа политического дискурса [Чудинов 2003; Будаев, Чудинов 2008; Шейгал 2004].

Существенной характеристикой современного знакового пространства оказывается противопоставление знаков и псевдознаков (симулякров). Симулякр, по Ж. Бодрийяру, — это знак, оторванный от денотата, существующий в специфическом пространстве псевдо семиозиса, осмысливаемом как гиперреальность. Эти знаки (копии копий) стирают границу между ре-

альностью и нереальностью и уничтожают координаты бытия. Ж. Бодрийяр [Бодрийяр] противопоставляет репрезентацию и симуляцию как два семиотических процесса: «Репрезентация исходит из принципа эквивалентности знака и реального (даже если эта эквивалентность утопическая, она является фундаментальной аксиомой). Симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии и умерщвления всякой референции». Отрицание знака как ценности — один из признаков тотального отрицания ценностей, свойственного постмодернистскому мировосприятию. Поскольку ценности являются концентрированным выражением культуры, наличие симулякров свидетельствует об устранении культуры из человеческого бытия, а следовательно, об аннигиляции человека как *homo sapiens*. Появление и умножение симулякров — тревожное свидетельство кризиса, угрожающего современной цивилизации. Но современная цивилизация, как и любая самоорганизующаяся система, вырабатывает механизмы самосохранения, в том числе и в семиотическом пространстве. Одним из способов противодействия симулякрам является диагностика и интерпретация небытия в культуре [Саенко 2010]. Выявление и системное описание таких способов — задача гуманитарного знания.

Знак может быть противопоставлен маркированному отсутствию знака, парадоксально звучащему тишины или пробелу там, где ожидается знак. Здесь мы сталкиваемся с границами дискурсивно обозначаемого мира (финальный тезис «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»). Знак пробела, как показывает М. Н. Эпштейн, является выходом за пределы языка. Этот знак — « » — вызывает семиотический шок у читателя, побуждает нас к «интенциональному чтению», направленному на осмысление значимых текстуальных пустот и зияний [Эпштейн 2004: 200, 205], и напоминает нам старинное изречение: «Слова не падают в пустоту».

Динамика знака определена С. И. Карцевским как асимметрический дуализм: означающее в знаке стремится к новым означаемым (смысловая вариативность), означаемое — к новым означающим: «...знак ... одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками» [Карцевский 1965: 87]. Помимо этого, знаку свойственно «выветривание»: например, первоначально получить титул рыцаря можно было только в бою, затем бой сменился имитацией вооруженного противоборства, и наконец — символическим ритуалом, в ходе которого посвящающий ударял коленопреклоненного посвящаемого по плечу плашмя лезвием меча и произносил определенную сакраль-

ную формулу. А. А. Потебня [Потебня 1976: 517] отмечал, что фольклорные тексты подвержены сжатию. Прецедентный текст сокращается в памяти многих носителей культуры до нескольких ярких фрагментов, затем — до цитат, и далее — до названия. Это касается любой информации. Но наряду с растворением знака в семиотическом пространстве культуры выработался механизм его сохранения: при каждом новом повторении знак становится все более устойчивым. Эта характеристика знака обусловлена противопоставлением информации и фасцинации текста.

Информативное восприятие текста представляет собой рациональное определение его тематики, основной идеи, новых фактов и соотнесение полученных знаний с индивидуальным тезаурусом — совокупной системой знаний личности. Фасциативное (*fascinatio* — очарование) восприятие текста проявляется как его эмоциональное переживание, эмпатическое слияние с текстом, ощущение его значимости для личности. Информативное восприятие знаков по своей природе дискурсивно: содержание сообщения в малой мере зависит от формы, текст легко аннотируется, превращается в дайджест, переводится на другой язык без смысловых потерь и при каждом последующем предъявлении становится менее значимым для его получателя. Фасциативное восприятие сообщения интуитивно и целостно, форма текста очень значима, при переводе текст становится другим, аннотированию практически не поддается, и при каждом последующем предъявлении его ценность для личности возрастает. Примером информативного текста является подборка газетных новостей, примером фасциативного текста — поэзия. Фасцинация как характеристика текста привлекала к себе внимание исследователей [Кнорозов 1973; Саленко 1978; Мухелишвили, Шрейдер 1997а, 1997б], но ее роль в лингвистике и культурологии освещена еще недостаточно. Ю. В. Кнорозов обосновал биологическую сущность фасцинации как ритмического повторения, которое затормаживает анализаторы и приводит адресата в состояние шарма.

В ином ключе суть фасцинации определяет Ю. М. Лотман, который противопоставляет две модели общения: собственно коммуникацию и автокоммуникацию. Коммуникация носит логический характер, автокоммуникация по своей природе мифологична. Логическое сообщение развернуто и дескриптивно, мифологическое — свернуто, при этом понимание мифологии равносильно припоминанию. В первой модели (я — он) адресант заменяется адресатом, а код и сообщение остаются постоянными, во второй модели (я — я) носитель информации остается тем же, но «сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. Это происходит в результате того, что вводится добавочный — второй — код и исход-

ное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения» [Лотман 1973: 229]. Этот второй код строится на основе ритмических рядов, у которых вначале нет своего содержания, но которые могут обрастать ассоциациями: «Высокоорганизованные асемантические тексты имеют тенденцию становиться организаторами наших ассоциаций. ... Текст в канале „я — я“ перестраивает личность, которая включена в процесс автокоммуникации» [Там же: 236]. Есть типы текстов, сориентированных на сообщение, и типы текстов, сориентированных на код. Очень интересен тезис о том, что «реальные культуры, как и художественные тексты, строятся по принципу маятникообразного качания между этими системами. Однако ориентация того или иного типа культуры на автокоммуникацию или на получение истины извне в виде сообщений проявляется как господствующая тенденция» [Там же: 243]. Отсюда вытекает вывод о том, что тип культуры обусловлен доминирующим типом коммуникации и соответственно доминирующим типом личности. Ю. М. Лотман приходит к очень глубокому заключению о необходимости взаимодополнительности этих типов коммуникации в культурном пространстве: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне. Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако, часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества» [Там же: 243]. Это семиотическое противопоставление культур в целом можно свести к антитезе деятеля и созерцателя: активность деятеля направлена вовне, на завоевание, освоение и переустройство мира, активность созерцателя — внутрь, на постижение собственного Я и осмысленное переживание гармонии с миром.

Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдер [Мухелишвили, Шрейдер 1997а] развивают идеи Ю. М. Лотмана и Ю. В. Кнорозова с учетом специфики внутренней речи и доказывают, что информация в тексте вообще может восприниматься, только если адресат в этом тексте находит для себя фасцинацию, при этом возникает новый тип фасцинации: к аттрактивности исходного текста добавляется индуцированная фасцинация, возникающая в сознании адресата. Иначе говоря, при определенном уровне эрудиции и заинтересованности в восприятии сообщения у получателя информации возникает отклик в виде развития содержания этого сообщения. Речь идет о творческом участии адресата в осмыслении информации. Заслуживает внимания тезис цитируемых авторов о том, что в непрямо коммуникации фасцинация сообщения становится более значимой; это прослеживается, в частности, в майевтических диалогах Сократа, в ходе которых адресат из

ученика превращается в сотворца [Мухелишвили, Шрейдер 1997б]. В монографии В. В. Дементьева [Дементьев 2006] креативный потенциал непрямо́й коммуникации раскрывается с разных позиций.

Г. Г. Хазагеров [Хазагеров 2006] в новом ключе раскрывает прагматическую сторону знака в модели, центральными компонентами которой являются два измерения общения: ось интенции и ось конвенции. Первое измерение учитывает отношения между участниками общения (я — ты), это традиционное понимание прагматики знака. Основу общения составляет интенция говорящего оказать воздействие на адресата, передать некоторое сообщение или выразить свои переживания. Второе измерение характеризует отношение говорящего к среде общения, к выбору тех или иных средств и способов коммуникации, и тем самым — к самоидентификации (я — мы). В лингвистике многие разделяют тезис о том, что языковая система определяет возможности коммуникативной практики участников общения (в формальном плане это необходимость иметь определенную языковую компетенцию для осуществления общения, в содержательном плане — признание того факта, что специфическая этнокультурная картина мира, зафиксированная в семантике языковых единиц, определяет мировидение носителей культуры, т. е. имеет место избирательное мировосприятие, обоснованное в гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа о языковой относительности). Вместе с тем участники общения не являются автоматами, использующими только заданный код, они постоянно вносят помимовольные и намеренные изменения в этот код, что и объясняет динамику языка. Идеологическое давление со стороны власти на участников общения, как справедливо отмечает Г. Г. Хазагеров, выражается в жесткой фиксации и ритуализации конвенциональных формул коммуникации. Участники общения естественно вырабатывают систему способов сопротивления ритуалу, например высмеивая его.

Заслуживает внимания лингвофилософская модель состояния человеческого духа, которую предлагает В. И. Тюпа [Тюпа 2010] в виде четырех модальностей самоидентификации субъекта: 1) роевой Мы-менталитет, субъект как представитель общности; 2) ролевой Он-менталитет, субъект как исполнитель социального регламента, 3) дивергентный Я-менталитет, субъект как суверенный носитель свободного сознания; 4) конвергентный Ты-менталитет, субъект как участник диалога, осознающий свою ответственность за других [Тюпа 2010: 22—26]. В этом осмыслении прагматической стороны знака представлена программа изучения разных типов ментальности, проявляющихся в личности и культуре. Носитель роевого сознания видит в другом прежде всего своего либо чужого, представитель нормативного сознания относится к другому как к исполнителю предписа-

ний, человек с эгоцентрическим типом сознания воспринимает другого в качестве объекта воздействия или сверхсубъекта угнетения, личность диалогизированного сознания обращается к другому как к адресату и одновременно адресанту собственной субъективности.

Эта модель характеризуется четкой иерархической структурой и конкретизируется в разных типах, или стадиях, дискурсных формаций. Роевое сознание выражается в саморастворении личности (значимо замечание О. Розенштока-Хюсси: «Мы не в состоянии все время быть личностями»), в значимости лишь повторяемых элементов действительности, неизменности транслируемой информации, поддержании покоя как сверхценности этого типа бытия. Нормативное сознание сориентировано на дискурс власти, между участниками общения устанавливаются статусно-иерархические отношения, всякое индивидуально-субъективное оценочное суждение оценивается по его соответствию авторитарной истине, ценностная картина мира носит черно-белый характер, общение осуществляется посредством эмблем, наивысшей ценностью считается выполнение долга. Эгоцентричное сознание исходит из презумпции всеобщего равенства, мнение каждого имеет право на существование, высшей ценностью бытия признается самоактуализация личности и вытекающая отсюда креативность в общении. Эгоцентричная коммуникативная практика в значительной мере является игровой. Диалогизированное сознание сориентировано на понимание, на взаимодополнительность смыслов и взгляд на себя со стороны, приоритетной ценностью такого осмысления бытия признается ответственность. На мой взгляд, это одна из самых интересных лингвофилософских концепций.

Модель В. И. Тюпы соотносится с известной моделью О. Розенштока-Хюсси [Розеншток-Хюсси 1994], но существенно отличается от нее. В основу концепции О. Розенштока положена метафора грамматики, базирующейся на «кресте реальности» с направлениями «назад», «вперед», «внутри» и «вовне». Эти направления иллюстрируют темпоральные типы освоения реальности через прошедшее и настоящее время, повелительное и сослагательное наклонения. Названным типам реальности соответствуют жанры речи и типовые носители этих жанров: прошедшее как история и юриспруденция, настоящее как наука, сослагательное наклонение как искусство, повелительное наклонение как политика [Розеншток-Хюсси 1994: 197—199]. Действительно, язык представляет собой детально разработанную матрицу формирования установок, которые определяют наше отношение к миру, и в этом плане грамматическая метафора вполне имеет право на существование. Верно и то, что в разных типах деятельности можно установить приоритетную направленность на прошлое, настоящее и будущее, на действительное либо возможное. Подчеркну,

что каждая из предложенных моделей предполагает взаимодополнительность выделенных компонентов. Научное освоение мира нацелено на объяснение его фактов, наблюдаемых здесь и сейчас, но оно учитывает опыт предшественников (прошедшее) и обладает прогностическим потенциалом (будущее). Художественное произведение — это не только сообщение о внутреннем мире автора, но и использование внешней реальности как средства изображения.

Семиотической по своей сути является формула социального статуса человека, в которой выделяются три компонента: статусный индекс (ролевые признаки человека), статусный вектор (указание на неравенство либо равенство участников общения), статусная репрезентация (выражение уважительного отношения к адресату путем его возвышения либо самопри понижения говорящего) [Карасик 2002]. Статусный индекс по-разному определяет поведение людей в различных лингвокультурах: в восточных культурах считается нормой оказывать знаки уважения по отношению к лицам преклонного возраста, старики имеют право критически оценивать молодежь, даже если они не знакомы с молодыми людьми, возраст не принято маскировать, в то время как представители западной культуры исходят из принципиального равенства всех взрослых людей, критика в адрес незнакомого молодого человека недопустима, возраст маскируется. Специфически выражаются векторные признаки статусного неравенства: в одних культурах право задавать вопросы принадлежит только вышестоящим, в других это коммуникативное действие не ассоциируется со статусным неравенством, статусно маркированной часто является коммуникативная инициатива, статусный вектор определяет разные формы обращения к адресату. Статусная репрезентация может быть простой, как на Западе, когда говорящий подчеркивает высокое положение адресата, либо осложненной, как на Востоке, когда имеет место ритуальное самопри понижение говорящего. Выражение социального статуса всегда эмблематично, отношение к нормам поведения старших и младших часто обозначается аллегорически, социальная пирамида в определенных типах общения осмысливается как символ, определяющий принадлежность участников общения к единому коллективу.

С позиций интерпретативной лингвокультурологии может быть предложена следующая семиотическая схема содержания дискурса. По признаку прямого/непрямого выражения информации все тексты в единстве со своими контекстами могут быть разбиты на два соответствующих смысловых класса. Прямое выражение информации распадается на ряд разновидностей, среди которых можно выделить симпрактическое сообщение (*По пути домой купи хлеб*), эмотивное высказывание (*Вот это да!*), комментарий (*Я сразу не ответил на зво-*

нок — батарейка села). Подчеркну: возможны ситуации, в которых эти высказывания будут восприняты как пароль или как-то иначе, но достаточно часто подобные фразы воспринимаются в их буквальном смысле, не требующем поиска скрытого содержания. Непрямое выражение информации, в свою очередь, представлено тремя типами смыслов: эмблематическим, аллегорическим и символическим [Карасик 2010].

Эмблематическое восприятие сообщения — это идентификация отправителя речи или коммуникативной ситуации. Можно установить следующие разновидности эмблематического смысла: фоновый (оценка ситуации по ее соответствию ожидаемому положению дел — *Пожалуйста, предъявите билет*), статусный (определение соотношения участников общения по их социальному статусу — *Разрешите обратиться*), парольный (переключение в режим общения с новым, недоступным для посторонних означиванием коммуникативной ситуации — *Над всей Испанией безоблачное небо*). Эмблематический смысл воспринимается как непроизвольно, так и осознанно и является важным компонентом фатического общения.

Аллегорический смысл представляет собой рационально выводимое содержание сообщения и по своим основным функциям проявляется в следующих разновидностях: дидактической (*Скрипучая дверь долго висит*), эвфемистической (*Его сегодня с нами нет*), орнаментальной (*Что ж бунтуете, молодой человек? Перед вами же — стена! — Стена, да гнилая. Ткни — и развалится*). Специфика аллегорического смысла состоит в единственно возможной интерпретации исходного высказывания, поэтому он часто актуализируется в педагогическом, религиозном или политическом дискурсе.

Символический смысл отличается своей принципиальной неисчерпаемостью, символическое высказывание допускает множество толкований, причем каждый участник общения открывает новые глубины в символическом тексте при каждом обращении к нему. Можно выделить три типа символических смыслов: эмпатический (эмпатия — гр. «вчувствование»), ментально соединяющий картины миров участников общения благодаря мощной fascinации текста (*М. Ю. Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу...»*), эйдетический (эйдос — гр. «образ»), захватывающий яркостью и значимостью используемых образов (*А. П. Цветков: «тому кто лишь в воздухе дрожь или соль в золе / неважно уже как живут на его земле / ни снежное над головой шевеленье пихт / ни белое по голубому ристанье яхт»*), энигматический (энигма — гр. «загадка»), очаровывающий парадоксальной многозначностью (*А. А. Тарковский: «Я по каменной книге учу вневременный язык. / Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти, / И уже я по горло в двухмерную плоскость проник, / Мне хребет размолотило на мельнице жизни и смерти»*). Приведен-

ные термины в сходном значении используются в психологии.

Эти знаковые модусы восприятия текстов могут пересекаться, один и тот же текст может быть воспринят и как прямое сообщение, и как эмблематический указатель, и как аллегорическое поучение в определенной ситуации, и как многомерный символ. Вместе с тем потребности коммуникативной практики приводят к тому, что в определенных типизируемых ситуациях возникают ожидаемые типы дискурса.

Резюмируем.

Лингвосемиотические модели представляют собой объяснительные схемы соотношения языкового знака с внезнаковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности. Можно выделить микросемиотические и макросемиотические модели. Первые характеризуют базовые отношения в семиотическом треугольнике (семантика, прагматика и синтактика знака), вторые раскрывают связи знака с культурой (мотивация), человеком (актуализация, или осмысление), миром (референция).

С позиций аксиологической лингвистики на первый план выдвигаются прагматические характеристики знака, его многообразные отношения с интерпретатором. Важнейшей из этих характеристик является вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловой ген передаваемой переживаемой информации. Осмысливаемые таким образом знаки — символы — выступают в качестве носителей аккумуляированного коллективного опыта. Символическое прочтение знака представляет собой высшую ступень семиотического освоения реальности и системно дополнено другими модусами семиозиса — прямым, эмблематическим и аллегорическим осмыслением информации.

В соответствии с ситуациями общения выработаны способы растворения и закрепления определенных типов сообщений в коммуникативном пространстве: к первым относятся приемы актуализации информации, ко вторым — приемы фасциативного воздействия на адресата.

Существуют знаки, фиксирующие осмысливаемую реальность, и знаки с нулевым содержанием; первые упорядочивают концентрированный опыт социума, вторые вносят в него энтропию, проявляясь как экзистенциальный либо познавательный абсурд.

Конвенциональные признаки семиозиса определяют коммуникативное поведение участников общения и вместе с тем модифицируются и трансформируются под влиянием осуществляемых намеренно и ненамеренно изменений в нормах общения, в результате чего меняется ценностная картина мира соответствующего сообщества.

Позиции участников коммуникативной ситуации могут быть осмыслены как семиотически релевантные ориентиры типов культуры. В качестве таких ориентиров в исследователь-

ских конструктах могут использоваться и другие признаки, переосмысление которых дает возможность установить приоритеты того или иного лингвокультурного сообщества, в частности знаковые модусы осмысления текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Арапов А. В. Библейская герменевтика от Патристики до Просвещения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 75—91.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.

Бибихин В. В. Язык философии. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. URL: <http://exsistencia.livejournal.com>. (Оригинал: Baudrillard J. Simulacres et simulations. — Р. : Galilee, 1981).

Будаев А. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2008.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М. : Гнозис, 2006.

Елина Е. А. Изобразительное искусство в интерпретациях: лингво-семиотический взгляд : моногр. — Саратов : Наука, 2012.

Зегет В. Элементарная логика / пер. с нем. И. М. Морозовой. — М. : Высш. шк., 1985.

Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — М. : Гнозис, 2010.

Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. — М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85—90.

Кнабе Г. С. Семиотика культуры : конспект учеб. курса. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005.

Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. — М. : Наука, 1973. С. 324—334.

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М. : Искусство, 1995.

Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. Вып. 6. С. 227—243.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Радуга, 1983. С. 37—89.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2007.

Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1997а. № 5. С. 1—10.

Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Информация и фасцинация в прямой и непрямой коммуникации // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1997б. № 8. С. 1—7.

Пирс Ч. С. Избр. филос. произведения : [пер. с англ.]. — М. : Логос, 2000.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М. : Искусство, 1976.

Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. — М. : Лабиринт, 1994.

Саенко Н. Р. Нигитология культуры (опыт построения) : моногр. — Волгоград : Перемена, 2010.

Саленко И. И. Языковая fascinация // Общение: теорет. и прагматические проблемы. — М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1978. С.117—124.

Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). 2-е изд. — М. : Академ. проект : Альма Матер, 2010.

Соломоник А. Б. Очерк общей семиотики. — Минск : МЕТ, 2009.

Тодоров Ц. Теории символа / пер. с фр. Б. Нарумова. — М. : Дом интеллектуальной книги : Рус. феноменол. о-во, 1998.

Тюпа В. И. Дискурсные формации : очерки по компаративной риторике. — М. : Языки славянской культуры, 2010.

Хазагеров Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 40—62.

Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теорет. синтеза идей о знаковом способе информац. связи. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. — М. : Нов. лит. обозрение, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов